

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЕЧЕРА

56-летний певец, композитор, поэт, лидер группы «Пикник» Эдмунд Шклярский — один из тех героев ленинградской рок-музыки 80-х, кто в огне не сгорел и в воде не утонул и по сей день несет свои хиты, тексты и мелодии, высокую рок-культуру в массы. Недавно «Пикник», собрав битковый аншлаг в «Октябрьском», отправился в тур «Азбука Морзе» по 100 городам России и стран СНГ. Для многих зрителей бескрайнего постсоветского пространства именно «Пикник» стал одним из символов Петербурга, нашей знаменитой рок-волны, при том что в родном городе Эдмунд

Мечиславович ведет себя тихо, не пафосно, даже скромно — ни в каких тусовках не замечен, далек от политических и общественных акций, звездной болезни не подвержен...

Примерно об этом думал я, пригласив провести петербургский вечер в компании с «Вечёркой» Эдмунда Мечиславовича, а для друзей (к коим я и себя причисляю) — просто Эдика. Поэтому мы с ним на ты, и я не рискнул бы, обманывая читателей, переходить на вы...

Михаил САДЧИКОВ

Эдмунд ШКЛЯРСКИЙ (группа «Пикник»):

Я бы хотел жить в сегодняшнем Петербурге, но с теми людьми...

БЕСЕДОЙ С РОК-ЗНАМЕНОСТЬЮ МЫ ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ

— Эдик, когда, где ты был рожден?

— В 1955 году, на Васильевском острове, а жили мы тогда в доме для сотрудников Горного института. Трехэтажный дом, он и сейчас есть, но там уже лаборатории всякие.

— Твои родители живы?

— Отец, Мечислав Феликсович, два года назад умер, в свои 92. А матушка Ирина Сергеевна — раньше. Она была преподавателем Консерватории, вела общий курс фортепиано. А отец сначала плавал, но потом его анкета чем-то не подошла и его списали, поскольку ходил за границу и все прочее. И в свои тридцать он пошел учиться в Горный институт, стал горным инженером. И очень хорошим — стал лауреатом Государственной премии за какие-то подземные испытания пород...

— А матушка твоя, наверное, была рада за внука, Стаса Шклярского, — твоего сына, который сейчас в «Пикнике» играет на клавишных. Ведь он продолжил ее дело...

— К сожалению, не успела порадоваться, он ведь недавно играет. А когда она была жива, ходил в школу. Занимался и в музыкальной школе, но в итоге поступил в технический вуз.

— А когда его дебют в «Пикнике» состоялся?

— С датами, честно говоря, у меня туго, я помню, что это было после Нового года, в «Юбилейном», на концерте в честь «Зенита». Ему было приятно, он в детстве с мячиком возился на даче постоянно, форму покупал.

— Дочка-красавица твоя чем занимается?

— Учится театральному искусству в классе Фокина — Могучего (знаменитых петербургских режиссеров Валерия Фокина и Андрея Могучего. — Прим. авт.). Она не актриса, занимается, если можно так выразиться, драматургией спектакля. Ее курс, или студия, занимается на базе новой сцены Александринского театра.

— А ты еще не стал дедушкой?

— Нет, я этот самый... молодой человек (смеется).

— Скажи, ты помнишь момент, когда первый раз осознал, в каком городе живешь?

— В каком городе живу, я понял только тогда, когда стал выезжать в другие города, то есть с середины 80-х, когда «Пикник» отправился на гастроли. Когда ты находишься внутри, то волей-неволей глаз замыливается, ты думаешь, что так везде. А когда появляется возможность сравнить, наступает момент истины... Сейчас оцениваешь, к примеру, какие-то музеи мировые и Эрмитаж — и гордость испытываешь за наш город.

— Из этого я делаю вывод, что герой рок-н-ролла бывает в Эрмитаже...

— Не часто, но бываю. И в Русском музее бываю. Желание посещать музеи с годами только увеличивается.

— Ленинград твоей молодости и Петербург твоей зрелости — попробуй сравнить эти два города...

— Если говорить о каких-то архитектурных историях, то я помню: то, что находилось дальше Сенной площади, была жуть какая-то. Разруха сплошная. Посетив недавно с оказией те места, я удивился, что и там привели все в порядок. Все стало реставрироваться, и так да-

лее. Но, как ни банально прозвучит, тогда у меня совсем другие ощущения были, в том числе и от города.

— Но ты бы хотел жить в сегодняшнем или в том городе?

— Я бы хотел жить в сегодняшнем городе, но с теми людьми, которые были тогда, с теми нравами, ценностями.

— Но в том Ленинграде у тебя не было нынешних гонимых, сегодняшней востребованности... Неужели положил бы на алтарь возвращения в город юности и свою популярность, и свои «бабки»?

— Ну, понимаешь, популярность и «бабки» — это составляющие пути, который так или иначе уже пройден, и никуда от этого не денешься. Благодаря, наверное, тому же городу, собственно говоря, и тем людям, которые меня окружали и окружают.

— Когда мы говорим о Петербурге «самый красивый город на планете», не срабатывает ли в нас такой квасной патриотизм?

— Сложно сказать. И Прага, по-моему, — мы не так давно были в ней — очень красивый город. Не поспоришь.

— Ну а можно Прагу назвать самым красивым городом?

— Самым красивым городом? Ну а почему нет?

— Чувствуешь, к чему я клоню? Прага красивее Петербурга?

— Красивее — не красивее, но вот если бы все наши дома выглядели так, как в Праге, то...

— Эдик, в жизни твоей семьи что-то связано с «Вечёркой»?

— Конечно! Моя мама когда-то по объявлению в вашей газете о конкурсе в Ленинградскую консерваторию устроилась работать в это замечательное учебное заведение...